

Е.С. ШКАПА*преподаватель, Гуманитарный колледж, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: elena_shk89@mail.ru***E.S. SHKAPA***Lecturer, College of the Humanities, Russian State University for the Humanities
E-mail: elena_shk89@mail.ru***О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ... К ПРОБЛЕМЕ АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
В СВЯТОЧНЫХ РАССКАЗАХ Н.С. ЛЕСКОВА****ABOUT FAITH AND UNBELIEF... ABOUT THE QUESTION OF AUTOINTERTEXTUALITY
IN THE CHRISTMAS STORIES BY NIKOLAI LESKOV**

Работа посвящена малоисследованным вопросам поэтики автоинтертекстуальных отношений святочных рассказов Н.С. Лескова. Анализируются межтекстовые связи на текстовом, персонажном, тематическом, сюжетном уровнях. Такой подход позволяет рассмотреть интеграцию автопрецедентного текста в новый текст посредством автоцитат и создания общей для ряда произведений системы персонажей, сходства ситуаций и сюжетов, проследить соединение отдельных произведений автора в сложную взаимосвязанную структуру.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, святочные рассказы, автоинтертекстуальные отношения, межтекстовые связи.

The article is focused on underexamined questions of poetic of autointertextual relations among Christmas stories by Nikolai Leskov. The intertextual links are analyzed on the text level and character, theme, plot levels. This approach permits to examine integration of avtoprecedent text into the new text through autocitation and creation of system characters, the similarities of situations and subjects in common, to trace the integration of the individual works in a complex interrelated structure.

Keywords: N.S. Leskov, Christmas stories, autointertextual relations, intertextual connection.

Несмотря на заметно возросший в последнее время интерес к творчеству Н.С. Лескова, стоит отметить неравномернораспределенное исследовательское внимание. Так, например, в тени оказались аспекты автоинтертекстуальных отношений художественного наследия писателя. Вопросы межтекстовых связей произведений Н.С. Лескова в разное время освещались в исследованиях О.В. Евдокимовой [3], И.Н. Минеевой [9], Н.Ю. Даниловой (Заварзиной) [2], особо следует выделить работы современного лескововеда А.А. Новиковой-Строгановой (Кретовой) ([5], [10], [11]). Тем не менее специальных сочинений, в которых разрабатывалась бы сложная проблема интертекстуальных связей в творчестве автора, на данный момент не так много, а среди существующих можно отметить диссертационные исследования А.А. Федотовой [13] и М.А. Першиной [12], целиком посвященные интересующей нас теме.

Актуальность данной работы определяется тем, что в ней предлагается анализ святочной прозы Н.С. Лескова в ракурсе автоинтертекстуальных связей, когда писатель обращается к собственным предшествующим текстам при создании нового произведения. На наш взгляд, при интерпретации святочных рассказов Н.С. Лескова нужно учитывать тот факт, что писатель «всегда стремился к установлению внутренних связей между своими произведениями» [5: 15]. Автоинтертекстуальность Лескова,

в результате которой происходит переосмысливание и рождение новых идей и замыслов, редко ограничивается двумя текстами, межтекстовые связи охватывают чаще всего несколько произведений. Такой «интегральный, всепроникающий характер лесковской святочной прозы во многом придает опору на христианские ценности» [5: 19]. В предисловии рассказа «На краю света» (1875) Лесков, недавно вернувшийся из поездки в Западную Европу, через обозначение темы беседы формулирует одну из центральных проблем своего творчества, решение которой будет искать до конца своей жизни: «вечером, на святках, <...> шел интересный разговор о нашей вере и о нашем неверии» [7: 451] (далее ссылкой на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и номера страницы). Вопрос веры и безверия эксплицируется писателем также в других произведениях, например, во вступлении святочного рассказа «Маленькая ошибка. Секрет одной московской фамилии», где вновь сходятся два поляризованных понятия, два антагонизма: «Вечерком, на святках, сидя в одной благообразной компании, было говорено о вере и о неверии» (7: 252). Такое осознанное включение автопрецедентного высказывания, порой с неточной цитацией, является своеобразным аллюзивным маркером и несет интродуктивную функцию, служит средством обозначения соотнесенности текстов произведений.

В «Маленькой ошибке», написанной в 1883 году для юмористического еженедельника «Осколки», Лесков «перетолковывает», «выворачивает наизнанку» сюжет об истинной вере, с некоторой степенью карикатурности изображая родителей трех дочерей, о которых, как говорил отец Кириак из повести «На краю света», «сказать: «нехристи» – стыдно, назвать христианами – греха страшно» (5: 473). Описывая курьезный случай из семейной жизни «одной московской фамилии», писатель, с присущей ему комичностью пишет о суеверной увлеченности православными обрядами, различными предсказаниями, о вере в ясновидцев и «пророков», о тех людях, считающих себя верующими, которых в это «каверзливое время, <...> в сию многодумную и дурашливую пору, поворачивает на спиритскую» (5: 476). Сюжетообразующей фигурой в рассказе «Маленькая ошибка» служит образ московского юродивого, старца Ивана Яковлевича [Корейши], к которому обращаются дядюшка, а еще в большей степени – тетушка рассказчика: «Особенно тетушка, – никакого дела не начинала, у него не спросившись. Сначала, бывало, сходит к нему в сумасшедший дом и посоветуется, а потом попросит его, чтобы за ее дело молился. Дядюшка был себе на уме и на Ивана Яковлевича меньше полагался, однако тоже доверял иногда и носить ему дары и жертвы не прелятствовал» (7: 252). Тетушка просит старца помолиться о бездетной старшей замужней дочери Капитолине, чтобы Господь послал той дитя, а зятя Ларя бы – просветил верою, но происходит неожиданный курьез – забеременела средняя дочь, незамужняя Катенька. Тетка, хоть и думает, что все дело в той записке, поданной Ивану Яковлевичу, где перепутаны имена ее дочерей, но все же уверена, что «...тут собственная Катина причина есть» (7: 256); зять иронизирует: «...а теперь, когда вере вашей дано испытание, я вижу, что вы сами нимало не верите. Неужто вам не ясно, что виноватых нет, а просто чудотворец маленькую ошибку сделал» (7: 257).

В результате диалогического взаимодействия святочного рассказа-реципиента «Маленькая ошибка» с претекстом «На краю света» происходит смысловое приращение произведения, задается новая смысловая перспектива, причем «Маленькая ошибка» стоит в смысловой оппозиции к святочной повести, противопоставляются ключевые явления русской жизни – подлинная вера и слепое следование православным традициям и обрядам, образуя, таким образом, контекст, в котором реализуется бинарная оппозиция. Об этой проблеме пишет отец П. Флоренский: «Другая черта православного отношения к Церкви – это перевес культа, и в частности обряда, над учением и моральной стороной христианства» [14: 172]. Проповедуя евангельские истины, монашек Кириак обращается к Христу в своих молитвах, просит как за крещеных в веру Христову, так и некрещеных инородцев, тунгусов и якутов: «так и молился – за всех дерзал: “всех, – говорит, – благослови, а то не отпущу тебя!”» (5: 512). Героев «Маленькой ошибки», в отличие от праведника Кириака, сложно назвать истинно православными, сознательно верующими во Христа,

когда они просят о помощи в бытовых, житейских вопросах только для себя, своей семьи и обращаются к юродивому, в святости которого сами же, в конце концов, сомневаются.

Рецепция проблемы, обозначенной в повести «На краю света», прослеживается в авторской художественной обработке «византийской» легенды «Скоморох Памфалон» (1886), во вступлении к которой узнается трансформированная цитата «о вере и неверии»: «...во всем царстве Византийском было много споров о вере и благочестии [выделено мной – Е.Ш.], и за этими спорами у людей разгорались страсти, возникли распри и ссоры, а от этого выходило, что хотя все заботились о благочестии, но на самом деле не было ни мира, ни благочестия» (8: 174). Нищий грешник Памфалон оказывается более милосердным, нежели не пустившая странника Ермия даже Христа ради лицемерная «боголюбивая» дамаская знать, встававшая «по заходе солнечном на молитву» (8: 185): «Боже тебя сохрани, если ты своим стуком помешаешь их стоянию на молитве, тогда слуги их за то свалят тебя на землю и нанесут тебе раны» (8: 185). «Ортодоксальные христиане», увлеченные догмами, не проявляют милосердия к реально нуждающимся, а простой земной мученик скоморох, осознавая свою греховность, делится с ближним последним, отказываясь от тех небольших материальных благ, что имеет, приветный огонек его дома символично горит для людей «во тьме, как звездочка» (8: 188). Выполняя лишь внешние религиозные обряды, знатные дамасские вельможи превратились в фарисеев, а фарисейское отношение к религии убивает настоящую веру. Лесков показывает, насколько внешняя религиозность, проявляющаяся только через соблюдение обрядов, отличается от внутренней, от живой веры во Христа.

Центральные персонажи произведений «На краю света» и «Скоморох Памфалон» помогают прозреть, открыть очи духовные невидящим Господа, подобно святому апостолу Павлу. Вспомним, как «целая толпа» дикарей через подвижничество отца Кириака, его «жизне доброе» и мученическую смерть «Христа поняла» и «святую скромность православия» (5: 517), осознала, «что верно оно дух Христов содержит, если терпит все, что Богу терпеть угодно» (5: 517), и христианство у могилы монашка приняла: «Добрый народ у костей доброго старца возлюбил и понял Бога, сотворившего сего добряка, и сам захотел служить Богу, создавшему такое душевное “изящество”» (5: 516). Скоморох также помогает Ермию преодолеть «отшельничье самолюбие» на земле, стереть следы «самомнения» и обрести вместе с ним жизнь вечную. Только благодаря Памфалону, смилив свою гордыню, отшельник постигает в Дамаске евангельскую истину: «...человек должен служить человеку» (8: 230).

Лесков, борец за чистоту веры, как и искатель евангельской истины Ермий из «Скомороха Памфалона», «желал видеть благочестие настоящее, а не притворное, которое не приносит никому блага, а служит только для одного величания и обмана» (8: 175), писатель

особо обращает внимание на фарисейское отношение к вере многих «духовных чинов», священнослужителей, на их большее увлечение церковными обрядами, нежели истинным вероучением, на «духовный суд», который часто выносит решения, не являющиеся беспристрастными (см. очерк «Епархиальный суд», 1880). Эти проблемы для Лескова являются актуальными, а внимание к ним, по мнению писателя, должно быть оправдано критиками и обществом: «...пробудившееся внимание к церковным делам уже не может быть остановлено, да и не добром помянут христианский мир усилия тех, которые считают полезным остановить это внимание. Оно достойно поддержки, а не противодействия, потому что оно истекает из самого чистого источника – из любви к родине и ее вере» (6: 573).

Противник западных христианских учений, престарелый архиепископ из повести «На краю света», в финале своего рассказа «о вере и неверии» называет «салонной христовщиной» (5: 516) увлечение евангелическими проповедями о «подлинном» христианстве, имея в виду проповеди в аристократических «гостиных» и «зимних садах» появившегося в Петербурге в 1874 г. англичанина лорда Редстока (следует отметить, что в патриархальной Москве проповеди лорда успеха не имели). Имя зачинателя одного из библейских движений в России проповедника-евангелиста Г.В. Редстока встречается и в других более поздних произведениях писателя, авторская оценка нововерия «редстокизма-пашковства» находит свое продолжение в очерках «Сентиментальное благочестие», «Великосветский раскол: лорд Редсток и его последователи» (1876), рассказе «Шерамур» (1879). Лесков, находившийся в постоянном религиозном поиске, старается, по его личному признанию, дать объективную характеристику Редстоку и редстокизму; скептически относясь к увлечению западноевропейскими «заезжими проповедниками» в светских кругах Петербурга, отмечая ограниченность данного учения и отход от православной церкви, он вынужден был честно признать ум, глубокие знания и личное обаяние лорда, которому удается оживить религиозность и дух христианства в среде аристократов и произвести «великосветский раскол».

В 1870-1880-е годы Н.С. Лесков включается в религиозную полемику еще об одной упомянутой архиереем в повести «На краю света» «салонной христовщине», еще об одном учении, также пришедшем из Западной Европы и получившем массовое распространение в России: писатель затрагивает тему спиритизма в своих художественных и публицистических произведениях. Период 1860-1870-ых г.г. характеризуется заметным ростом интереса в стране к этому явлению, возникшем на пересечении религии (вера в Царствие Божие) и магического мистицизма (существование жизни после смерти в форме бесплотных духов). В святочном рассказе «Дух госпожи Жанлис» (1881) Лесков с присущей ему в этот период творчества «гоголевской сатирой» усиливает критику отечественной моды на спиритизм в светских кругах. Проецируя в комической форме на рассказ «Дух

госпожи Жанлис» проблему истинной веры и неверия, поднятую ранее в святочной повести «На краю света», писатель обозначает в «спиритическом случае» «...неодолимой трудности богословский вопрос, который вели у Гейне «Bernardiner und Rabiner»» (7: 89) (Лесков имеет в виду стихотворение Г. Гейне «Диспут» («Disputation»), где спорят о настоящем Боге францисканец и иудей). Ссылаясь на образы спорящих героев из иноязычного стихотворения, Лесков подчеркивает «чуждость» православия этого западного течения.

В центре писательского внимания – княгиня, главный персонаж «спиритического случая», «убежденная последовательница спиритизма» (7: 82), «издавна обрывает привычку в минуты самых разнообразных душевных настроений обращаться к сочинениям французки г-жи Жанлис как к оракулу, а голубые волюмы, в свою очередь, обнаруживали неизменную способность разумно отвечать на ее мысленные вопросы. Это, по словам княгини, вошло в ее «абитюды», которым она никогда не изменяла, и «дух», обитающий в книгах, ни разу не сказал ей ничего неподходящего» (7: 81).

Следует отметить, что в самом начале повествования внимательный читатель замечает нарушение хронологической последовательности, на которую обращает внимание И.Ю. Виницкий [1: 148-149]: писатель, вспоминая о событиях, происходивших «зимой 186 * года...» (7: 79), упоминает среди литературных интересов княгини свой рождественский рассказ «Запечатленный ангел», впервые опубликованный, как мы знаем, в 1873 г. Такой небрежный авторский анахронизм, не свойственный Лескову, объясняется тем, что автор имел целью подчеркнуть внутреннюю связь «спиритического случая» с этим святочным произведением. Литературовед А.К. Жолковский отмечает, что «роковое проявление читательской несостоятельности княгини очень изящно – и тоже интертекстуально – подготовлено. Ее симпатия к автору основана на том, что «ей почему-то нравился мой рассказ «Запечатленный ангел»». Однако читала она его явно невнимательно – не заметив, что в нем фигурирует ее прообраз: светская дама, полагающаяся на фальшивые, но до поры до времени сбывающиеся пророчества» [4: 160]. Действительно, образ княгини отсылает внимательного читателя к прецедентному персонажу из «Запечатленного ангела» – барыне, жене одного «немаловажного лица», склонной верить в магическую силу «скорпомощной» «Строганова дела» иконы ангела-хранителя. Кроме того, в результате образных заимствований перед читателем выстраивается автоинтертекстуальный персонажный ряд женских образов, функционально связанных героинь святочных произведений: образом-прецедентом является барыня из «Запечатленного ангела», затем следует княгиня из «спиритического случая», дополняет этот ряд тетушка из «Маленькой ошибки».

Барынька просит жившего со староверами мужика, «счетчика» Пимена Иванова: «Ах, говорит, – как интересно! ах, я ужасно люблю чудеса и верю в них! Знаете, – говорит, – прикажите вы, пожалуйста, своим

староверам, чтоб они помолились, чтобы мне бог дочь дал. У меня есть два сына, но мне непременно хочется одну дочь. Можно это?» (4: 329) Изворотливый Пимен, не отличавшийся чистотой веры, «был слабый человек и любобластец, а теперь объясню, зачем мы его, однако, в своей артели содержали; он у нас ездил в город за провизией, закупал какие надо покупки; мы его посылали на почту паспорта и деньги ко дворам отправлять, и назад новые паспорта он отбирал» (4: 328); в отличие от Пимена «настоящий степенный старовер, разумеется, всегда подобной суеты чуждается и от общения с чиновниками бежит» (4: 328), но «вот ведь до чего осуетится человек, и омрачает ум его, и оледенеют чувства» (4: 330), что он втайне от своих берет «казак за казак» у барыни на «чудеса», не забывая про собственный карман: «в таких случаях надо всегда, чтоб от вас жертвенный елей теплился» (4: 330). Происходит персонализация фальшивого «чудотворца» в образе Пимена Иванова: для барыни этот «пустоша» «уже выхлупотал у Бога и здорovia, и наследство, и мужу чин большой, и орденов столько, что все на груди не вмещались, так один он в кармане, говорят, носил» (4: 330).

Христианские мораль и нравственность барыни в «Запечатленном ангеле» можно выразить более поздней лесковской цитатой [письмо А.Н. Лескову, 01.06.1891]: «Бог есть, но не такой, которого выдумала корысть и глупость. В такого Бога если верить, то, конечно, лучше (умнее и благочестивее) – совсем не верить...» [6: 37-38]. Корыстное отношение барыни к «проявлению Божьего благоволения» через икону ангела-хранителя и торговля Божьей благодатью «пустоши» Пимена долго продолжаться не может: «но настал час всему этому обличиться» (4: 330), настал час кары Божьей; удача отворачивается от мужа барыни, обманутого «жидами», которые сначала дают взятку чиновнику, а затем в обмен на печать требуют сумму, вдвое больше отданной. Провалом спиритических опытов и посрамлением книжного оракула заканчиваются и новогодние гадания княгини в рассказе «Дух госпожи Жанлис»: произведения покойной француженки оказываются «непристойными мемуарами о событиях столетней давности» [4: 163], а чтение предсказаний этого «духа» обернулось для юной княжны психологической травмой; легкомысленным же оказался не «дух», а княгиня, упрямо следующая европейской моде на спиритизм. Лесков с комизмом говорит о несостоявшейся встрече Нового года: «чувства, с которыми мы расходились, были томительны, но не делали чести нашим сердцам, ибо, держа на лицах усиленную серьезность, мы едва могли хранить разрывавший нас смех и не в меру старательно наклонялись, отыскивая свои галоши...» (7: 91) Через диалог рассказчика и дипломата, завершающий «спиритический случай», выносятся в иносказательное написание: «на духов так же нельзя полагаться, как и на живых людей» (7: 92), а книги, «о которых мы решаемся говорить, нужно прежде прочесть» (7: 92), христианину не следует слепо следовать моде и проявлять праздное любопытство, не разобравшись в сущности явления.

Таким образом, Лесков, рассуждая о чудесах истинных и ложных в «Запечатленном ангеле» и развивая тему о ложных пророчествах в святочном рассказе «Дух госпожи Жанлис», делает попытку провести границу между христианством и мистицизмом с элементами суеверия, колдовства и чертовщины, между истинной верой и ложной. Далее, как мы видим, Лесков в святочном рассказе «Маленькая ошибка» продолжает развивать свою мысль о вере в фальшивых «чудотворцев», не имеющей ничего общего с православием и Божественным чудом.

Сверхъестественная природа Божественного чуда воспринимается православными не как нечто пугающее, но с чувством теплой благодарности, такие чудеса укрепляют живую веру в Спасителя, ведь Христос, твердо убежден отец Кириак, «творит себе обитель “за пазушкой”» (5: 465), у самого нашего сердца. По мнению исследователя А.А. Новиковой-Строгановой, «сердце – доминанта православной антропологии – центр всей внутренней работы человека, средоточие живой стихии духовной практики, устремленной к богопознанию и богообщению» [7]. «Тайны-то уже там очень большие творятся – вся благодать оттуда идет: и матино молоко детопитательное, и любовь там живет, и вера», – размышляет монашек (5: 471). Через ласковое лесковское «за пазушкой» повесть «Некрещеный поп» (1877) входит в авторский диалог, переключается со святочным рассказом «На краю света»: «Михалка с Потапкой жили под опекою отца Саввы, как у самого Христа за пазушкой» (6: 196). В диалогическое пространство, когда проводится задуманная писателем аналогия, посредством реминисценции, эффект которой достигается через фоновую память читателя, вступает рождественский рассказ «Христос в гостях у мужика» (1881): «Христос придет в это сердце, как в убранную горницу, и сотворит себе там обитель» [8: 36]. Чудо, ставшее в значительной части святочных рассказов центральным событием, для писателя видится в приближении к Спасителю, обр. Таким образом, нами были выделены две бинарные оппозиции, позволяющие рассмотреть в целостности антонимический контекст: истинная вера – фарисейство; истинная вера – мистицизм. Можно также говорить о том, что Н.С. Лесков сознательно устанавливает автоинтертекстуальные отношения между своими святочными рассказами и другими произведениями, принадлежащими его перу. Анализ межтекстовых связей в ракурсе ключевых понятий «вера» и «неверие» помогает понять мировоззренческую позицию писателя, разглядеть двойственность русского религиозного самосознания, чудеса истинные и чудеса мнимые, соотнести контекстуально оппозиционные образы героев. Данная работа содержит важные замечания по проблемам автоинтертекстуальности в святочных рассказах Н.С. Лескова, а также позволяет взглянуть под другим углом на произведения писателя и их смысловую наполненность. По нашему мнению, изучение творческого наследия Н.С. Лескова в данном направлении является актуальным и перспективным.

Библиографический список

1. Виноцкий И.Ю. Дух литературы. Рассуждение о художественном спиритуализме Н.С. Лескова // Тыняновский сборник. М.: Водолей, 2009. Вып. 13. С. 148-160.
2. Данилова Н.Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова: на материале произведений 1860-1880-х гг. об иностранцах и инородцах: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 226 с.
3. Евдокимова О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова: дис. ... док. филол. наук. СПб., 1999. 336 с.
4. Жолковский А.К. Маленький метатекстуальный шедевр Лескова // Новое литературное обозрение. 2008. № 5 (93). С. 155-176.
5. Кротова А.А. «Будьте совершенны...» (религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н. С. Лескова и его современников). М.: Моск. пед. гос. ун-т; Орел: Орл. гос. ун-т, 1999. 303 с.
6. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: по его личным, семейным и несемейным запискам и памятям: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. 607 с.
7. Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 т. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1957. 636 с.
8. Лесков Н.С. Христос в гостях у мужика. М.: Посредник, 1893. 36 с.
9. Минева И.Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н.С. Лескова: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 282 с.
10. Новикова-Строганова А.А. Изучение святочной прозы на примере рассказа Н.С. Лескова «Зверь» и повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе». X класс // Литература в школе. 2012. № 2. С. 27-33.
11. Новикова-Строганова А.А. «Сюрпризы и внезапности» русской жизни: святочные рассказы Н.С. Лескова // Научный богословский портал «Богослов». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/3064355.html>.
12. Першина М.А. Англоязычная литература как текст-прецедент в произведениях Н.С. Лескова: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2013. 264 с.
13. Федотова А.А. Поэтика поздней прозы Н.С. Лескова: интертекстуальный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2012. 209 с.
14. Флоренский П. Православие // История религии. М.: Книгоиздательство «Польза» В. Антик и К°, 1909. С. 161-188.

References

1. Vinitckij I.I.U. The spirit of literature. Reasoning about art spiritualism by Nikolai Leskov // Tynyanov collection. Moscow: Vodoley, 2009. Issue 13. Pp. 148-160.
2. Danilova N.Y. The dialogue of "their" and "alien" in the art world of Nikolai Leskov: based on the works 1860-1880s about the aliens and the foreigners. Candidate thesis in Philology. St. Petersburg, 2011. 226 p.
3. Evdokimova O.V. Mnemonic elements of N. Leskov's poetic. Doctoral thesis in Philology. St. Petersburg, 1999. 336 p.
4. Zholkovskij A.K. Little metatextual masterpiece Leskov // The New literary review. 2008. No. 5 (93). Pp. 155-176.
5. Kretova A.A. "Be perfect..." (the religious-moral quest in Yule the works. Leskov and his contemporaries). Moscow: Moscow State Pedagogical University; Orel: Orel State University, 1999. 303 p.
6. Leskov A.N. The life of Nikolai Leskov: in his personal, family and non-family records and memories: in 2 volumes. V. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literature, 1984. 607 p.
7. Leskov N.S. Collected works in 11 volumes. V. 5. Moscow: Goslitizdat. 636 p.
8. Leskov N.S. Christ visiting the man. Moscow: Posrednik, 1893. 36 p.
9. Mineeva I.N. Ancient Prologue in the works of Nikolai Leskov. Candidate thesis in Philology. Petrozavodsk, 2003. 282 p.
10. Novikova-Stroganova A.A. A study of Christmas prose based on «The Beast» by N. Leskov and A Christmas Carol by. X class // Literature in the School. 2012. No. 2. Pp. 27-33.
11. Novikova-Stroganova A.A. "Surprises and suddenness" of Russian life: Christmas story by Nikolai Leskov // Scientific theological portal "Theologian" [the Electronic resource]. A mode of access: <http://www.bogoslov.ru/text/3064355.html>.
12. Pershina M.A. English Literature as a text is a precedent in the works of Nikolai Leskov. Candidate thesis in Philology. Yoshkar-Ola, 2013. 264 p.
13. Fedotova A.A. Poetics in the late prose of Nikolai Leskov: the intertextual aspect. Candidate thesis in Philology. Yaroslavl, 2012. 209 p.
14. Florenskij P. Orthodoxy / The history of religion. Moscow: Book publishing "Polza" of V. Antik and K°, 1909. Pp. 161-188.

